

«*Ранним весенним утром, в половине двенадцатого, с запада, со стороны деревни Хитровки, в Лондон вошел молодой человек лет двадцати восьми...*» Да, дорогой мой Василий, возможно именно этими словами однажды начнет свой трактат какой-нибудь унылый журналистшишка, взявшийся писать мою биографию... откуда ему знать об истинных устремлениях и порывах этой великой души! Но! Друг мой, об этом потом – сейчас нужно работать. Коль скоро мы хотим получить этот несчастный туманный остров на блюде с голубой каемочкой...».

От этой ли тирады, гулким эхом разнесшейся над скамейками Риджентс-парка, от невыразимого ли восторга, который неизменно возникал у молодого прохвоста при взгляде на Остапа, или же от вида двух полисменов, неспешной, но уверенной походкой двигающихся в их направлении – как бы то ни было, у Василия как-то вдруг прибавилось сил. Он поднялся со скамейки, на которую он было лег с твердым намерением умереть от голода, и покорно побрел вслед за своим ослепительным вождем...

Остап был не в восторге от своего нового компаньона. Никакого полета фантазии, никакого возвышенного духа – это несчастье готово было удовольствоваться сэндвичем с ветчиной и спальным мешком на крыльце какого-нибудь лондонского магазина. «Какого-нибудь! Василий, если Вы намерены ночевать на крыльце магазина, это должен, *по крайней мере*, быть бутик, ну хотя бы Rolex... имейте к себе хоть каплю уважения!» - не раз говаривал Остап своему подмастерью. Зато у подмастерья был паспорт. Настоящий, легальный паспорт гражданина Евросоюза, то бишь славный прибалтийский документ, ныне так легко открывающий двери в мир загнивающего капитализма. А потому Василий мог быть полезен... и не было ничего сложного для Остапа в том, чтобы юный служитель Фортуны захотел быть ему полезен и начал называть Великого Комбинатора «вождем».

С целым саквояжем ослепительных идей прибыл Остап в столицу Туманного Альбиона. Из этого ароматного супа из туповатых от благополучия обывателей и неосмотрительных от собственного благородства аристократов, щедро разбавленного всех цветов и разновидностей джентльменами удачи и изысканно приправленного десятком чтущих Британский (и только) уголовный кодекс русских олигархов, намерен он был выудить столь необходимый ему миллион. Миллион непременно новенькими, хрустящими купюрами, и билет на самый белоснежный теплоход в Рио-де-Жанейро...

Но сравнительно честный отъем денег у населения – операция почти хирургическая, и к ней нужно хорошо подготовиться. А Лондон, к тому же, почему-то совершенно не захотел встречать Остапа с распростертыми объятиями. За два месяца в городе Остап воплотил в жизнь десяток мелких схем по сбору средств – от сбора пожертвований в фонд спасения амурского тигра до обналичивания кредита, полученного на паспорт с очаровательно нахальной белобрысой рожей Василия на фотографии. На полученные средства был куплен щегольский костюм и выходящий за любые рамки экстравагантности шарф, приобретены по сходной цене удостоверения сотрудников ВВС, Финансовой Полиции Евросоюза и агентов MI5, собрана столь необходимая и дорогая в эти нелегкие годы информация... Да, пока что приходилось довольствоваться малым, отказывать себе в самом необходимом, но ради какой великой цели! И цели в то же время столь близкой и достижимой...

Сегодня утром, рассматривая свое блистательное отражение в витрине, Остап не без удовольствия отметил про себя: «Лед тронулся, товарищи присяжные заседатели!» И вот в этот самый прекрасный день Василий вбил себе в голову, что достиг самого дна финансовой пропасти, обогнав в полете Грецию и Италию, и лег умирать голодной смертью на скамейку в Риджентс-Парке!

«Потерять это юное дарование сейчас было бы крайне неудобно», думал Великий Комбинатор, увлекая Василия подальше от заинтересованных глаз полисменов и в то же время недвусмысленно приближая его к одной из тысяч совершенно одинаковых лондонских

бутербродных, «и потом, я привязался к нему как к родному... наверное, старею.... Прости, Рио-де-Жанейро, придется перенести прибытие моего парохода еще на неделю-другую....»